

ственному, так и внешнему (возвышением Сегу в качестве ранне-политического центра) влиянию в этом регионе. Самоназвание этой группы — «бамана», но я предпочитаю придерживаться устоявшегося на протяжении более века этнонима «бамбара». Это и дань традиции науки, и понимание условности терминологии, ее связи с историей словоупотребления как в самой среде, так и в литературе. Попытка сломать эту традицию использования этнонима «бамбара» применительно к «бамана» сама по себе не конструктивна, ибо связь и даже тождество терминов очевидно для специалистов. Но для неспециалистов это создает дополнительный источник путаницы и необходимость «перекодировки» всей предшествовавшей научной литературы [Арсеньев 1978; 2008]. Переход на обязательный научный оборот этнических самоназваний не только не оправдан концептуально, ибо требует безусловной теоретической аргументации, но и ломает всю мировую исторически сложившуюся практику использования этнонимов. Кроме того, встречающий нередко возражение факт того, что «бамбара» — скорее внешний этноним, а кроме того еще и слово, указующее на «языческий» характер обозначаемого им населения, как мне представляется, не может выступать однозначным аргументом «против». Наоборот, мировоззренческая близость родственных по культуре и языку народов одного и того же региона может выступать объединяющим фактором не только для внешнего наблюдателя, но и для самих носителей этих отношений. Усилия же поменять практику научного употребления этих этнонимов, признав один обозначающим «номинальный этнос», а второй — «реальный» [Гиренко 1975: 5], ничего не меняет по существу. Для знающего реалии региона с его активным взаимодействием разнообразных культурных и языковых групп даже самоназвание «бамана» вполне условно и ситуативно.

Образ жизни

В этом разделе предстоит выявить преимущественно материальные стороны живневоспроизводства бамбара. Соответственно, рассмотрению должны быть подвергнуты природно обусловленные и общественно обусловленные формы поддержания и передачи жизни, а равно и сами общественные формы бытия, их исторически отслеживаемая преемственность. Кроме того, в интересах музейной практики необходимо выделить инвентарь жизнеобеспечения, который обычно и рассматривается в определении «материальная культура».

Впрочем, нужно оговорить, что само разделение на явления, обусловленные природой, и явления, порожденные общественной практикой, воспроизводящимися формами культуры, выступает и данью традиции исследований в координатной системе «природа — культура», и следствием основных мировоззренческих установок действующей цивилизации. Однако, если воспринимать общество как биосоциальное явление, жизневоспроизводство которого неотделимо от реальной географической среды обитания, относительность основной дихотомии становится наглядной. Природное начало в деятельности людей проявляется в императивах поддержания и воспроизводства самой биологической жизни, в необходимом приспособлении форм и способов существования к среде обитания, а также к ритмам перемен во внешней среде. Впрочем, эта среда не вполне «внешняя», поскольку входит и в самих людей по единым обусловленным природой циклам. Это и суточный цикл, и цикл годовой, и изменения динамики популяционного воспроизводства. Но это и вырабатывающиеся поколениями стереотипы поведения, диктуемые географической средой, пространственными ощущениями, самими образами ландшафтного окружения. В свою очередь эти образы влияют и на глубину зрения как перцепцию, фиксирование внимания и распознавание фактов среды на больших или меньших расстояниях, соответствующую отчетливость этого видения. Равно они воздействуют и на объемность видения реальных объектов, на отражающие особенности осознанного и неосознанного восприятия мира, в том числе и на выработку эстетических ценностей, установок, стереотипов. Общество как система, как объект реальности, обладающий отражающей способностью, неизбежно формулирует и постулирует часть своих стереотипов восприятия и поведения — что «видит» и что «не видит», в частности, из-за неготовности это «видеть» и «распознавать». Другую часть стереотипов оно воспроизводит стихийно, ситуационно и неосознанно, повинувшись устоявшимся и невербализованным нормам и формам. Тем не менее исследователю приходится «препарировать», вскрывать, учитывать при изучении и интерпретации отмечаемых общественных явлений и событий эту самую природную составляющую, «среду обитания» в ее «внечеловеческой» заданности. Хотя и ареал, занимаемый тем или иным обществом, — часто продукт демографических, экономических, политических процессов внутри целостной общественной системы, побуждающих ее выходить за рамки единой и единственно данной экологической ниши.